

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ

по поводу перваго тома его сочиненій

Добролюбовъ умеръ. Могила, какъ говорили въ былое время, напоминаетъ о вѣчности; но въ сущности она напоминаетъ о вѣчности и теперь. Мысль невольно расширяется и углубляется, а слѣдовательно и дѣлается спокойнѣе. Частныя, случайныя, временныя обстоятельства теряютъ ту важность, которую они можетъ-быть имѣли для насъ; жизнь переходитъ въ исторію, человѣкъ становится законченнымъ фактомъ, требующимъ отъ насъ пониманія своего полного смысла.

Такъ мы желали бы говорить о Добролюбовѣ, хотя такой голосъ можетъ-быть не попадетъ въ тонъ другихъ голосовъ. Надъ могилою Добролюбова въ настоящее время происходятъ такія странныя вспышки страстей, какъ это рѣдко случается. Его поклонники и друзья дотога страстны и скоры въ своихъ превознесеніяхъ, что невольно вызвали отпоръ, — вызвали насмѣшки и глумленія, которыхъ безъ этого, безъ сомнѣнія, не заслужилъ бы покойникъ. Поэтому наше желаніе говорить о Добролюбовѣ спокойно и прямо, можетъ показаться страннымъ. Да и вообще во времена увлеченій разсужденія кажутся лишними и ненужными. Зачѣмъ разсуждать, когда достаточно чувствовать? Зачѣмъ цѣнить и взвѣшивать, когда нужна только симпатія? Да и что вы хотите дѣлать? скажутъ намъ. Вы хотите писать критику на сочиненія критика, хотите анализъ подвергать анализу, сажать мысль на мысль? К чему намъ эти тонкости и ухищренія? Мы хотимъ чего-нибудь болѣе простаго, прямѣе идущаго къ дѣлу.

По счастію мысль имѣетъ свои неотъемлемыя права. Какъ бы ни велика была сумятица мнѣній, какъ бы ни были сильны порывы увлеченій, никто не рѣшится идти противъ мысли до конца. Много людей слѣпыхъ и ослѣпленныхъ, но нѣтъ такихъ, которые бы сознательно проповѣдывали слѣпоту, которые находили бы, что лучшее средство не сбиться съ пути состоитъ въ томъ, чтобы закрыть глаза. Наконецъ истина непобѣдима. Кто разъ открылъ глаза и увидѣлъ ее, тотъ уже

напрасно будетъ потомъ закрывать ихъ, чтобы непомнить того, что они видѣли.

Если же такъ, если мысль имѣеть такую всемогущую и неизбѣжно-покоряющую силу, то вмѣсто того чтобы избѣгать ее, мы скорѣе должны на нее надѣяться. Если мы дорожимъ нашими чувствами, если даемъ имъ глубокое значеніе, то мы скорѣе должны быть увѣрены, что они не противорѣчатъ истинѣ, что истина рано или поздно оправдаетъ ихъ. Кто крѣпко вѣритъ сердцу, тотъ не можетъ малодушествовать и слѣдовательно долженъ вѣрить заранѣе, что умъ подтвердитъ его сердце. Мысль и чувство не отрицаютъ другъ друга, а напротивъ, взаимно и тѣсно связаны между собою. Только пустыя мысли безсердечны, только пустыя чувства безсмысленны.

Нельзя хорошо говорить о литературѣ, не питая любви къ литературѣ; а слѣдовательно наоборотъ, всякое вѣрное сужденіе о литературѣ свидѣтельствуетъ объ извѣстной симпатіи къ ней. Страхъ передъ истиною во всякомъ случаѣ есть чувство ложное.

Итакъ начнемъ же. Какъ скоро дѣло идетъ о литературномъ произведеніи или литературномъ дѣятелѣ, невольно припоминается общій взглядъ на нашу литературу, который давно уже утвердился и отъ котораго отказаться едвали еще возможно. Этотъ взглядъ состоитъ въ томъ, что наша литература, какъ и всѣ другія стороны нашей жизни, представляетъ болѣе печальныхъ, чѣмъ отрадныхъ явленій. Извѣстно, что наша жизнь умственная, поэтическая и всякая другая есть бѣдная и жалкая жизнь. Наше развитіе совершается до сихъ поръ поразительно болѣзненно. Въ самомъ дѣлѣ, перебирая одно за другимъ всѣ его явленія, мы не можемъ не видѣть, что всѣ они какъ-будто поражены недугомъ, раскрываются слабо и уродливо. Всѣмъ знакомо замѣчаніе, что наши дѣятели обыкновенно рано умираютъ. Какъ сломано ихъ физическое здоровье, такъ же точно ихъ таланты бываютъ болѣзненно искажены. Величайшія дарованія часто неизбѣгаютъ уродливости. Вообще же наши таланты быстро гаснутъ; наши умы часто блестящи и глубоки, но обыкновенно безплодны.

Мы высоко цѣнимъ все прекрасное въ нашихъ дѣятеляхъ. Насъ соблазняютъ иногда радостныя мечты. Въ смутныхъ явленіяхъ мы

любимъ замѣчать признаки богатырской силы. Намъ иногда ясно слышится неслыханная свѣжесть и мощь русской души. Но такъ смотримъ только мы, русскіе; да притомъ тутъ же еще и подсмѣемся надъ собою за подобные взгляды. Другіе же народы смотрятъ на насъ съ величайшимъ высокомеріемъ, и мы чувствуемъ всю справедливость этого высокомерія. Наша почва какъ-будто неспособна производить широкія и крѣпкія деревья; она раждаетъ только недорастающія и скоро гибнущія растенія. Въ нашей жизни недостаетъ простора для дѣятельности, нѣтъ возможности счастливаго развитія, правильнаго, широкаго раскрытія силъ. Отсюда понятно, почему мы такъ страстно любимъ на примѣръ Пушкина, явленіе почти совершенно исключительное. Пушкинъ — это дерево, которое выросло среди палящей и безводной пустыни, цвѣтокъ, который распустился въ трещинѣ бесплодной и безжизненной скалы. Чувствуя эту пустыню, ясно сознавая бѣдность окружающей насъ жизни, мы любимъ его какъ почти единственное зрѣлое явленіе, какъ человека столь богатаго и крѣпкаго своими особенными силами, что наша атмосфера не могла задержать его развитія. Безобразіе нашей жизни его сгубило; онъ погибъ, какъ многое у насъ погибаетъ; но это былъ единственный цвѣтокъ, который прежде гибели распустился въ полномъ своемъ великолѣпіи.

Итакъ не будетъ ничего страннаго, особеннаго или необыкновеннаго, если мы и Добролюбова отнесемъ къ недорастающимъ и болѣзненнымъ явленіямъ нашей жизни. Таково вѣдь громадное большинство нашихъ литературныхъ явленій. Мы не скажемъ ничего исключительнаго, если найдемъ, что Добролюбовъ есть также сила, развившаяся ненормально, въ сторону, безобразно.

Мы скажемъ это о Добролюбовѣ даже прямо и опредѣленно, чѣмъ о какомъ-нибудь другомъ явленіи, потому что признаки ненормальности здѣсь бросаются въ глаза болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, *мы легко можемъ смотрѣть на Добролюбова свысока*. Побужденіе къ такому взгляду безъ сомнѣнія у многихъ очень сильно и даже непобѣдимо. Дѣло не въ томъ, что Добролюбовъ писалъ только журнальныя статьи, легкія рецензіи, шуточные стихи «Свистка» и т. п. Мы сумѣли бы понять достоинства его дѣятельности, несмотря на ея

форму; мы знаемъ какую важность и какую цѣну могутъ имѣть легкія шуточки и всякаго рода свистопляска. Но въ настоящемъ случаѣ насъ отталкиваетъ не форма, а содержаніе дѣла. Мы чувствуемъ желаніе взглянуть свысока на Добролюбова потому, что находимъ у него очевидные недостатки, — промахи всякаго рода, мысли неточныя, недодуманныя, мелкія, фальшивыя, вопіющія противорѣчія и плоскости; концы, вовсе неидушіе къ началу, начала недоведенныя до конца и т. д. Этихъ ошибокъ, этихъ примѣровъ всякаго рода путаницы и безсвязицы можно было бы набрать въ сочиненіяхъ Добролюбова столько, сколько угодно.

На это должны обратить вниманіе защитники и приверженцы Добролюбова. Они должны принять въ соображеніе, что мы люди образованные, а пожалуй и ученые. Мы просвѣщены западомъ; остроуміе, глубокомысліе, ученость и всякаго рода умственныя достоинства знакомы намъ не по слухамъ или именамъ, а на самомъ дѣлѣ, по лучшимъ образцамъ запада, этой «страны святыхъ чудесъ», какъ сказалъ поэтъ. Мы вкусили отъ великолѣпныхъ плодовъ западной жизни и вполне умѣемъ наслаждаться ими. И потому, еслибы намъ предложили вопросъ: принадлежимъ ли мы къ поклонникамъ Добролюбова? — мы могли бы обидѣться, какъ Гамлетъ щигровскаго уѣзда и отвѣчать: «помилуйте! за кого вы меня принимаете? Я Гегеля изучалъ, милостивый государь, я Гёте знаю наизусть. Какъ же я могу быть поклонникомъ Добролюбова!»

Такое отношеніе нетолько къ Добролюбову, но и къ явленіямъ несравненно болѣе сильнымъ и блестящимъ, есть не выдумка и не предположеніе, а дѣйствительный, очень распространенный фактъ. На него стоитъ обратить вниманіе. Это не простая ошибка, не неумѣнье цѣнить, проистекающее отъ воображаемаго, мечтательнаго величія масштабовъ. Случается, что наши доморощенные нѣмцы презрительно отзываются о русской литературѣ. «Зачѣмъ я стану читать — говорить иной — Пушкина или Гоголя? Если я захочу почитать, я возьму Гёте, Шиллера.» И между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ и не читаетъ и не понимаетъ ни Гёте, ни Шиллера. Не о подобныхъ сужденіяхъ мы говоримъ. Нѣтъ, мы дѣйствительно такъ развиты, такъ изощрили свои

способности, такъ привыкли къ глубинѣ взглядовъ, къ мастерству изложенія, что имѣемъ право цѣнить явленія по этимъ масштабамъ, находящимся въ нашемъ полномъ обладаніи.

Въ этомъ случаѣ взглядъ нашъ часто бываетъ шире и свѣтлѣе, чѣмъ у любого европейца. Это замѣчаніе также давно сдѣлано и представляетъ дѣйствительный фактъ. Европейцу, даже глубоко образованному, можетъ многое нравиться, что намъ справедливо кажется мелкимъ и плоскимъ. Французское остроуміе намъ кажется дѣтскимъ, нѣмецкія глубокомысленности — слишкомъ наивными; англійскій юморъ — черезчуръ сантиментальнымъ и узкимъ. Мы способны стать выше всего этого съ нашею шириною и глубиною взгляда; мы часто подшучиваемъ надъ узкими и закрѣпшими понятіями Европы...

Тѣмъ легче мы возвышаемся надъ нашею собственною литературой. Ея бѣдность, слабость, молодость — стали у насъ избитымъ общимъ мѣстомъ. На наши журналы, на наши стихи, повѣсти, критики мы смотримъ часто свысока и имѣемъ на это повидимому всѣ права, какія нужно: мы легко находимъ ихъ недостатки и знакомы съ явленіями несравненно лучшими.

Все это фактъ, все это живыя черты нашего развитія. «Мы Гегеля изучали, мы Гёте знаемъ наизусть!» Спрашивается однакоже, дѣйствительно ли это явленія вполнѣ отрадныя? Нетрудно увидѣть и обратную сторону медали. Въ самомъ дѣлѣ, какой плодъ всего этого умничанья и высокомерія? Повидимому оно представляетъ прекрасный знакъ и подаетъ блестящія надежды. Если у насъ такъ много умныхъ людей съ широкимъ и свѣтлымъ взглядомъ, если мы такъ тонко и вѣрно умѣемъ цѣнить наши литературныя произведенія и находить ихъ недостатки, то должно думать, что печальное состояніе литературы скоро прекратится и замѣнится самымъ блистательнымъ. Если люди такого всесторонняго и трезваго ума возьмутся за дѣло, то оно должно оказать необыкновенные успѣхи. Но чтоже бываетъ на самомъ дѣлѣ? Увы! Эти простые и естественные расчеты никогда не исполняются какъ слѣдуетъ. Эти люди, столь вѣрно умѣющіе цѣнить дѣйствія и произведенія другихъ, сами никогда не берутся за дѣло, не умѣютъ за

него взяться, а если берутся, не умѣють его дѣлать. Они — отличные умники на то, чтобы замѣчать нелѣпости и промахи, они страшно сильны отрицательною стороною; но вполне цѣнить положительное, а еще болѣе — производить его они оказываются совершенно неспособными.

Вотъ въ чемъ наша бѣда, вотъ горе, которое мы терпимъ. Будучи необыкновенно умными людьми, мы поражены недугомъ бесплодія, лишены всякой производительности. Мы лишены способности производить и дѣйствовать именно потому, что такъ хорошо понимаемъ всѣ односторонности и неправильности, въ которыя можетъ впасть человѣкъ производящій и дѣйствующій. Слишкомъ широкое сознаніе убиваетъ въ насъ дѣятельную силу. У насъ недостаетъ того простодушія, той увѣренности въ себѣ, того сосредоточенія мыслей на немногихъ предметахъ и задачахъ, при которомъ только и возможны дѣятели.

Итакъ осуждая нашихъ дѣятелей, какіе у насъ есть, мы не должны забывать распространять наше осужденіе такъ-сказать и на зрителей и судей ихъ дѣятельности. Добролюбовъ былъ однимъ изъ такихъ дѣятелей. Признаніе того, что онъ представляетъ явленіе слабое и искаженное, вовсе не есть униженіе Добролюбова, а наше собственное униженіе, наше собственное горе, которое нѣтъ нужды скрывать, а скорѣе нужно громко высказать. Еслибы наше развитіе было правильно и богато, то мы могли бы конечно съ гордостью и чувствомъ собственного достоинства отказать Добролюбову отъ важнаго мѣста въ этомъ развитіи. Но теперь, осуждая Добролюбова, мы вмѣстѣ осуждаемъ и все наше развитіе вообще. Слѣдовательно тутъ нѣтъ мѣста никакой заносчивости и гордости. Отъ такого осужденія намъ ничуть не легче; дѣло не проясняется и не улаживается, а только больше и больше запутывается. Человѣку богатому ничуть не тяжело замѣтить, что на его платьѣ явились пятна или что оно разорвалось; ему нетрудно и прихотничать въ этомъ случаѣ, быть очень взыскательнымъ къ своей одеждѣ, потому что онъ всегда можетъ замѣнить ее чистою и лучшею. Но каково *ясно видѣть* и пересчитывать пятна и дыры на своемъ армякѣ тому, кто твердо знаетъ, что этотъ армякъ у него

единственный и что на новую одежду денег нѣтъ, а есть только надежды?

Наше сознание есть вмѣстѣ и наше наказаніе; оно ясно, но бесплодно и потому мучительно.

Намъ нужно однако же еще доказать, что Добролюбовъ былъ дѣйствительно нашимъ дѣятелемъ. Потомучто безъ сомнѣнія у насъ найдется множество людей, которые будутъ смотрѣть на него съ тѣмъ высокомеріемъ, о которомъ мы говорили. Многіе конечно увидятъ въ немъ только главнаго рыцаря, полководца свистопляски; многіе почтутъ его явленіемъ эфемернымъ, побочнымъ, несущественнымъ и всю его дѣятельность сравнятъ съ шумомъ пустой бочки, которую везутъ по тряской мостовой. Попробуемъ доказать всю несправедливость такихъ мнѣній.

«Современникъ» тотчасъ послѣ смерти Добролюбова объявилъ, что послѣдніе четыре года своей жизни, слѣдовательно отъ 1858 до 1861 года включительно, Добролюбовъ стоялъ *во главѣ русской литературы*. Если признать это вѣрнымъ въ буквальномъ смыслѣ, то въ важномъ значеніи Добролюбова нельзя будетъ и усомниться. Если же изъ словъ «Современника» выводить самое акуратное и точное слѣдствіе, то изъ нихъ слѣдуетъ покрайней-мѣрѣ, что Добролюбовъ послѣдніе четыре года *стоялъ во главѣ «Современника»*. И это очень много. Если наконецъ вовсе не вѣрить «Современнику» и уменьшить значеніе Добролюбова на половину, то все-таки будетъ очень достаточно.

Въ самомъ дѣлѣ, что бы ни говорили, «Современникомъ» шутить невозможно. Впродолженіи этихъ четырехъ лѣтъ, когда въ немъ участвовалъ Добролюбовъ, онъ былъ самымъ любимымъ русскимъ журналомъ. Успѣхъ и успѣхъ постоянный есть во всякомъ случаѣ важное явленіе, котораго причины стоятъ полнаго вниманія. Конечно неправы тѣ, кто видятъ въ успѣхѣ прямое и несомнѣнное доказательство превосходства; но неправъ будетъ и тотъ, кто обратитъ на успѣхъ никакого вниманія. *Значеніе успѣха* въ особенности важно, если мы

станемъ разсматривать дѣло не отвлеченно, а именно съ его жизненной стороны, въ отношеніи къ дѣйствительности. Мы имѣемъ въ нашей литературѣ нѣсколько примѣровъ большого успѣха. Попробуемъ сравнить ихъ съ «Современникомъ». «Сынъ Отечества» въ настоящую минуту есть самая распространенная изъ нашихъ газетъ. Причины его успѣха очень ясны. Онъ общедоступенъ, онъ стоитъ въ уровень съ понятіями массы. Онъ съ замѣчательною ловкостью умѣетъ служить вкусамъ этой массы; онъ не брезгуетъ ничѣмъ, что можетъ привлечь ея любопытство. Его популярность произошла не случайно, а вытекаетъ естественно изъ самого его характера. Немало было и есть газетъ, которыя принимались соперничать съ «Сыномъ Отечества»; ни одна не имѣла большого успѣха и причина этому ясна: всѣ онѣ брали *слишкомъ высоко*, всѣ были брезгливы и односторонни. Мало того, — вслѣдствіе своей исключительности и желанья держать высокій тонъ, онѣ становились сухи, скучны, вялы, теряли жизнь и разнообразіе. Съ другой стороны, чѣмъ значительнѣе недостатки «Сына Отечества», тѣмъ хуже для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на многочисленныя попытки, очевидно *никто не сумѣлъ* повести дѣло лучше.

Нельзя не замѣтить, что у «Современника» есть общая черта съ «Сыномъ Отечества»; кстати — тотъ же «Сынъ Отечества» постоянно указываетъ на эту черту. Они состоятъ въ общедоступности, въ общезанимательности всѣхъ статей журнала. Легкость, съ которою онѣ читаются, свидѣтельствуетъ о легкости, съ которою онѣ пишутся, о томъ живомъ желаніи *бесѣдовать* съ читателями, которое конечно никакъ не можетъ быть поставлено въ упрекъ журналу. Но «Современникъ» разумѣется имѣетъ еще другія, болѣе важныя достоинства.

Довольно часто сравниваютъ «Современникъ» съ «Библіотекою для чтенія» временъ О. И. Сенковскаго, которая также имѣла успѣхъ до тѣхъ поръ неслыханный на Руси. Сравненіе это очень вѣрно, но при немъ необходимо принимать въ расчетъ огромное различіе, зависящее отъ характера времени. Это различіе все въ пользу «Современника» и представляетъ отрадное явленіе нашего прогресса. На чемъ основывался успѣхъ Сенковскаго? На томъ же *отрицаніи*, которымъ такъ силенъ «Современникъ». Неистощимыя шутки Барона Брамбеуса

нравились массѣ именно потому, что рушили всякаго рода авторитеты и слѣдовательно хоть на минуту давали вздохнуть свободно людямъ, до тѣхъ поръ безмолвно гнувшимся подъ ихъ тяжестью. Весело было засмѣяться отъ души среди всеобщей, большею частью бессмысленной серьезности. Но на чемъ опиралось отрицаніе Сенковскаго? Оporою ему служили голый матерьялизмъ и скептицизмъ, доходившій до послѣднихъ граней, до ярой насмѣшки надъ самимъ собою, почти до трагическаго сознанія пустоты, которое замѣтно напрімѣръ въ «Превращеніи головъ въ книги и книгъ въ головы». Сенковскій смѣялся надо всѣмъ, надъ философіею и политикою столько же, сколько надъ русскою литературою.

Съ тѣхъ поръ дѣла много подвинулись впередъ. Отрицаніе «Современника» несравненно выше отрицанія «Библиотеки для чтенія» именно потому, что имѣеть болѣе *положительныхъ основъ*. «Современникъ» не смѣется надъ философіею; онъ объявилъ себя послѣдователемъ *послѣдняго* философа, которымъ завершается исторія философіи. Въ критикѣ онъ не держится, какъ Брамбеусъ, принципа *личнаго вкуса*, которому законъ не писанъ, но признаеть весьма твердыя, хотя и очень общія правила. Въ политикѣ онъ умѣеть видѣть прогрессъ и держится извѣстныхъ убѣжденій. Однимъ словомъ, если мы сравнимъ «Современникъ» съ «Библиотекою» Сенковскаго, то найдемъ огромный шагъ впередъ, и этотъ шагъ состоитъ въ большемъ развитіи положительныхъ началъ. «Современникъ» несравненно больше вѣритъ, несравненно больше признаеть, чѣмъ нѣкогда вѣрила и признавала «Библиотека». вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе, получивъ больше опоры, приобрѣло больше силы, глубины и теплоты.

Но этого мало. Извѣстно, что «Библиотека для чтенія» съ перваго же разу оттолкнула отъ себя многихъ дѣятелей тогдашней литературы. Ея легкомысліе и безвкусіе вооружили противъ нея тогдашнихъ поэтовъ и ученыхъ. Извѣстно, что къ числу недовольныхъ журналомъ Сенковскаго принадлежали люди, которые по своимъ достоинствамъ занимали тогда первое мѣсто въ нашемъ умственномъ мірѣ. Въ «Библиотекѣ» участвовали Тимофеевъ и Кукольникъ, но Пушкинъ и Гоголь не принимали никакого участія. Такимъ образомъ мы можемъ

сказать, что «Библиотека», несмотря на весь ее успех, стояла ниже уровня, до которого подымалась в ее время литература, что угождая массе, она несколько неудовлетворяла высших представителей литературы.

Совершенно не то с «Современником». В эти годы, когда Добролюбов «стоял во главе его», «Современник» был положительно выше всех журналов по сочувствию к нему литературы. В нем постоянно являлись наши лучшие имена — Тургенев, Островский; в нем деятельно участвовали весьма уважаемые и самые популярные из наших ученых, например Кавелин, Костомаров. Следовательно «Современник» никаким образом не был журналом *второй руки*, но постоянно стоял в первом ряду.

И вот в этом-то первостепенном журнале, имевшем наиболее блестящий успех, Добролюбов был постоянным критиком, или, говоря общее, занимал такое место, что мог быть назван главою журнала. Из всего этого кажется несомненно видно, что литература в той или другой степени, но сама признавала его важным деятелем, и следовательно напрасно трудятся те, которые думают его *отрицать*. Отрицать Добролюбова, как явление совершенно эфемерное и побочное, значить в известной степени отрицать литературу, как явление эфемерное и побочное.

Мы увидим это еще яснее, если ближе всмотримся в деятельность Добролюбова. Он вступил в литературу когда еще был очень молод, когда еще сидел на школьной скамейке. Эта молодость, которая конечно отразилась и на его статьях, для многих служит соблазном к высокомерному взгляду на Добролюбова. А между тем она должна служить напротив хорошим признаком для его деятельности. Блинский тоже выступил на литературное поприще не только до окончания курса, но даже вовсе не кончив курса. Известно, как часто его попрекали этим, как *недоученость* ставилась ему в жестокой упрек. Если так, то весьма замечательно, что *недоученые*

люди постоянно играют у нас такую важную роль въ литературѣ. Это также живая черта нашего умственного развитія. Какъ кажется, нужно быть именно недоученымъ, для того чтобы втянуться въ наше литературное движеніе. Стоитъ только позаботиться нѣсколько лѣтъ о развитіи своего ума и сердца, стоитъ только пріобрѣсти ту мудрость, которой недоставало Бѣлинскому и Добролюбову, — и дѣло уже окажется невозможнымъ. Охота къ литературѣ, къ бесѣдѣ съ читателями погаснетъ и не можетъ быть подогрѣта никакими искусственными средствами. Въ отношеніи къ литературѣ является *взглядъ свысока*, а въ самомъ зрителѣ свысока является упорное *безплодіе*. Происходятъ люди высокомѣрнѣйшіе и всепонимающіе; но въ тоже время совершенно неспособные что-нибудь сдѣлать. Эти явленія у насъ очень обыкновенны и представляютъ часто весьма различныя формы. Одни стараются всячески преодолѣть свое бездѣйствіе и вымучиваютъ изъ себя разбитыя фразы, отрывочныя произведенія, на каждой строкѣ которыхъ отзывается величайшее усиліе. Другіе довольствуются какою-нибудь единственною статейкою и затѣмъ всю свою дѣятельность сосредоточиваютъ въ саркастической улыбкѣ, которую носятъ лѣтъ двадцать или тридцать сряду. Третьи впадаютъ въ самое пошлое озлобленіе на литературу, въ которой не могутъ принять участія, и отводятъ себѣ душу непрерывною и весьма плодovитою бранью. Есть такіе, которые готовы писать о чемъ угодно, но никакъ не о литературѣ; къ ней они равнодушны и заняться ею серьезно они совершенно не въ силахъ. Есть наконецъ и такіе, которые зорко слѣдятъ за литературою и принимая въ ней живое участіе, дѣлаютъ безпрестанныя, но безпрестанно неудачныя попытки вмѣшаться въ ея движеніе.

Вотъ къ чему приводитъ насъ глубина образованности. Для литературы остаются поэтому только молодые и недоученые люди. Они занимаются этими пустяками, которые мы почитаемъ ниже себя. Они обладаютъ тою странною охотою писать, тѣмъ желаніемъ излить и объяснить свои мысли, которое у насъ уже укротилось или вовсе пропало. Они становятся дѣятелями, а мы созерцателями. И вотъ почему всѣ мы, то-есть Гамлеты всякаго рода и вида, мы, которые

«Гегеля изучали и Гёте знаемъ наизусть», должны имѣть нѣкоторое смиреніе передъ жизнью; слышавъ свѣжій и крѣпкій голосъ этихъ недоучившихся юношей, мы должны подобно Гамлету щигровскаго уѣзда умолкнуть и сказать: «тс! тише! эти люди имѣютъ право говорить: они люди оригинальные и мы не въ правѣ мѣшать имъ жить!»

Что касается до Добролюбова, то здѣсь не можетъ быть никакого сомнѣнія. Стоитъ только вслушаться въ его рѣчь, чтобы признать за нимъ право говорить. Это не жованья фразы, не искусственно составленныя и подготовленныя рѣчи: нѣтъ, ихъ широкое, обильное, живое теченіе сразу даетъ чувствовать ихъ естественность, ихъ правильное происхожденіе. Много ли времени писалъ Добролюбовъ, а сколько онъ написалъ! Онъ плодитъ необыкновенно; онъ свободно принимаетъ всевозможныя формы, отъ серьезной критической статьи до шуточныхъ стихотвореній, до шаловливой болтовни, которая тянется на нѣсколько листовъ. Такая кипучая и свободная дѣятельность должна же имѣть какой-нибудь источникъ. Что-нибудь одно изъ двухъ: или въ Добролюбовѣ билась дѣйствительно живая струя, и тогда нельзя не признать за нимъ важнаго значенія; или же все что онъ писалъ, было однимъ пустословіемъ, и тогда его дѣятельность, чѣмъ она была шире, тѣмъ большее представляетъ безобразіе. Тѣ, которые пишутъ мало и неохотно, но зато тѣмъ больше и охотнѣе пересуживаютъ и осуждаютъ многопишущихъ, должны скорѣе сознаться въ своемъ собственномъ безсиліи, чѣмъ стараться какъ-нибудь понизить значеніе Добролюбова. Его дѣятельность должна быть для насъ поученіемъ, насколько она правильно и естественно вытекала изъ состоянія общества и литературы. Этого не должно забывать, какъ бы неправильны ни были другія стороны этой дѣятельности.

Многіе называютъ Добролюбова публицистомъ и въ этомъ полагаютъ его существенную заслугу. На этомъ основаніи ему даже не ставятъ въ вину разныхъ промаховъ и недосмотровъ, которыми такъ обильны его статьи. Говорятъ, не въ этомъ дѣло: сущность заключается въ тѣхъ общихъ взглядахъ, на основаніи которыхъ онъ судитъ, въ тѣхъ

страницахъ, гдѣ критикъ отступаетъ на задній планъ и гдѣ остается на сценѣ одинъ публицистъ. И однакоже весьма замѣчательное и характеристическое обстоятельство заключается въ томъ, что публицистъ–Добролюбовъ являлся въ видѣ критика Добролюбова. Для чего ему было почти постоянно носить эту маску, постоянно являться какбы въ чужой формѣ? Въ то самое время, когда онъ писалъ свои критики, публицизмъ въ прямой своей формѣ уже давно господствовалъ, напримѣръ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ зато почти вовсе не было критики. Слѣдовательно со стороны Добролюбова не была ли это чистая ошибка, неправильное и ненужное искаженіе дѣла?

Намъ кажется, что нѣтъ, что критики Добролюбова были въ отношеніи къ нему самому дѣломъ совершенно естественнымъ и соотвѣтствовали правильнымъ потребностямъ читателей. Публицизмъ въ формѣ критики уже сильно дѣйствовалъ у насъ въ статьяхъ Бѣлинскаго. Въ этомъ случаѣ Добролюбовъ былъ его прямымъ и непосредственнымъ продолжателемъ. Почему эта форма публицизма получила у насъ такое развитіе — это зависитъ отъ значенія литературы вообще и отъ значенія для общества нашей литературы въ особенности. Какова бы ни была наша литература, но если она есть, — она, какъ и вездѣ, представляетъ самое широкое, наиболѣе всѣмъ доступное, такъ–сказать самое явственное явленіе духовной жизни народа. Никакое другое явленіе не имѣетъ такой силы для развитія массы, для вызова наружу и полного раскрытія ея симпатій и стремленій. Слѣдовательно кто говоритъ о литературѣ, тотъ говоритъ о предметѣ живомъ и глубоко занимательномъ, и потому можетъ надѣяться, что его будутъ слушать. Въ особенности у насъ, гдѣ другія сферы умственной дѣятельности развиваются слабо, гдѣ на литературу можно смотрѣть какъ на единственное явно живое и органическое явленіе, рѣчи о литературѣ до сихъ поръ суть рѣчи о предметѣ дѣйствительно–существующемъ, болѣе или менѣе для всѣхъ любезномъ, тогда какъ самая хитрая публицистская статья часто похожа на мечтанія, на отвлеченныя соображенія о предметахъ, никому незнакомыхъ въ дѣйствительности. Книги мы читаемъ и пишемъ въ дѣйствительности, настоящимъ образомъ, точно такъ какъ ихъ пишутъ и

читаютъ европейскіе народы. Если же рѣчь идетъ объ англійскомъ парламентѣ, о судѣ присяжныхъ, объ аристократіи или демократіи, то мы сейчасъ чувствуемъ, что перенесены въ какой-то чуждый, отвлеченный міръ, съ которымъ у насъ въ жизни нѣтъ ничего общаго.

Отсюда видно, что публицизмъ въ формѣ критики до сихъ поръ былъ у насъ правильное, естественное, а не уродливое и фальшивое явленіе. Въ сущности комедія Львова или стихи Розенгейма составляли для публики болѣе живой, болѣе широкой и интересной фактъ, чѣмъ напримѣръ извѣстная форма суда, никогда небывалая и неслыханная на Руси. Стихи у насъ есть, тогда какъ проявленій жизни другого рода почти нѣтъ. Поэтому тѣ, которые глядя свысока на литературу, вовсе не занимаются ею, дѣлаютъ жестокой промахъ въ отношеніи къ своей публикѣ. Напротивъ «Современникъ», имѣвши богатый критическій отдѣлъ, конечно немало былъ обязанъ ему своимъ успѣхомъ и поступалъ въ этомъ случаѣ съ большимъ тактомъ. Такъ или иначе, только во времена Добролюбова «Современникъ» былъ единственнымъ журналомъ, котораго критическія статьи имѣли вѣсь и который вмѣстѣ постоянно и ревностно слѣдилъ за литературными явленіями.

Что касается до самого Добролюбова, то критическія статьи, судя по самымъ этимъ статьямъ, были для него прямымъ и естественнымъ дѣломъ, а не простою маскою для прикрытія другой дѣятельности. Какъ видно изъ всего, Добролюбовъ усердно изучалъ произведенія нашей литературы, постоянно читалъ все что у насъ пишется, неразъ, какъ онъ самъ говоритъ, перечитывалъ то, что ему нравилось; однимъ словомъ онъ дѣлалъ все, что требуется отъ настоящаго критика, съ любовью занимающагося своимъ дѣломъ. Онъ зналъ нашу литературу такъ, какъ ее немногіе знаютъ между нашими пишущими людьми, очень обыкновенно зараженными ходячимъ презрѣніемъ къ родимой словесности. Если же такъ, то какое право мы имѣемъ сказать, что Добролюбовъ былъ собственно не критикомъ, а публицистомъ? Что до него самого, то онъ хотя былъ и публицистомъ, но хотѣлъ быть также настоящимъ критикомъ. Онъ писалъ большія, серьезныя статьи о многихъ замѣчательныхъ явленіяхъ изящной словесности, явившихся

въ его время. Скорѣе нужно отдать ему справедливость и сказать, что онъ имѣлъ силу какъ публицистъ особенно потому, что былъ критикъ.

Конечно критическая дѣятельность Добролюбова имѣла многіе характеристическіе недостатки, но они происходили вовсе не отъ того, что онъ былъ публицистомъ. Онъ не могъ какъ слѣдуетъ цѣнить главнѣйшій ходъ литературныхъ явленій, не умѣлъ точно опредѣлять мѣсто каждаго изъ нихъ и видѣть ихъ настоящую связь и отношеніе; но все это задачи трудныя, и изъ того, что онъ ихъ не выполнялъ, не слѣдуетъ, что онъ пренебрегалъ ими или не стремился разрѣшить. Особенно замѣтный недостатокъ Добролюбова состоитъ въ томъ, что онъ *пропускалъ* явленія, которыя по силѣ таланта непременно должны были остановить на себѣ вниманіе критика, вполнѣ способнаго цѣнить важность литературныхъ произведеній. Къ числу ихъ относятся напримѣръ тѣ явленія, которыя какъ извѣстно нашимъ читателямъ, были разбираемы во «Времени» подъ особымъ заглавіемъ «Явленій, пропущенныхъ нашею критикою». Такимъ образомъ общаго взгляда на литературу, который бы обнималъ всѣ ея произведенія, у Добролюбова не было.

Другая характеристическая черта его критики состояла въ томъ, что пропуская важныя явленія, онъ часто пускался въ многословнѣйшія толкованія о самыхъ неважныхъ, даже о вполнѣ ничтожныхъ. Въ этомъ отношеніи можно бы составить любопытный списокъ подъ заглавіемъ: «Явленія, пропущенныя читателями, но замѣченныя Добролюбовымъ.» Въ самомъ дѣлѣ множество книгъ, неимѣющихъ никакихъ достоинствъ или отличающихся только своимъ безобразіемъ, книгъ, о которыхъ что-называется *совѣстно* говорить, были разобраны Добролюбовымъ или по крайней-мѣрѣ пространно осыпаны его шутками. Этотъ порядокъ, какъ извѣстно, ведется у насъ и до сихъ поръ. Чѣмъ нелѣпѣе и безобразнѣе книга, тѣмъ вѣрнѣе можно рассчитывать на появленіе рецензій на нее. Дѣльная же вещь всего болѣе рискуетъ быть пропущенною; «Современникъ» даже нашолъ, что статья о драмѣ Мея во «Времени» есть дурной признакъ для журнала.

То, что критика такъ усердно занимается безобразными явленіями, на первый взглядъ можетъ показаться также безобразіемъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что есть писатели и журналы, которые сочли бы даже *ниже собственного достоинства* заниматься пустыми книгами. Добролюбову была незнакома подобная щепетильность. Можно замѣтить пожалуй, что писать рецензіи на безобразныя явленія очень легко; но чтоже это доказываетъ? Что дѣлается легко, то дѣлается естественно; хранителямъ же собственного достоинства можно замѣтить, что если они не унижаются до разбора ничтожныхъ книгъ, то они вмѣстѣ нимало не вознаграждаютъ этой воздержности разборомъ книгъ замѣчательныхъ. Что касается до насъ, то въ томъ вниманіи, которое обращалъ Добролюбовъ на книги посредственныя или положительно безобразныя, мы видимъ черту живой дѣятельности, замѣчательной именно со стороны публицизма. Книга нерѣдко есть дѣло обманчивое. Человѣкъ не высказывается въ ней на распашку; онъ является передъ публикой и слѣдовательно постарается напередъ умыться, причесаться и застегнуться. Въ большей или меньшей степени, но въ своей книгѣ всякій остороженъ, боится проговориться, а иногда даже надѣваетъ маску несравненно красивѣе, чѣмъ его собственное лицо. Поэтому для того, кто изучаетъ нравы и дѣйствительныя мнѣнія толпы, гораздо интереснѣе бываютъ не *приличныя* книги, а тѣ, въ которыхъ случайно и простодушно авторъ является во всемъ безобразіи своихъ помысловъ. На этихъ образчикахъ, впрочемъ очень обильныхъ въ русской литературѣ, духъ массы, образъ ея понятій изучается несравненно лучше, чѣмъ на сочиненіяхъ, вполне искусно обработанныхъ по иностраннымъ образцамъ. Не забудемъ здѣсь еще важной черты въ Добролюбовѣ: онъ особенно распространялся о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя *фальшивили* въ проповѣдываніи гуманныхъ началъ; въ такихъ случаяхъ нельзя не отдать ему справедливости. Для чуткаго уха диссонансъ нестерпимъ и хуже всякой пошлой гармоніи, если эта гармонія вѣрно исполняется.

Итакъ дѣятельность Добролюбова имѣетъ важное значеніе и стоитъ полного вниманія. Онъ не *авторъ нѣсколькихъ рецензій*, какъ говорятъ одни, а критикъ, котораго голосъ былъ всего слышнѣе

впродолженіи четырехъ лѣтъ исторіи нашей литературы; онъ не *микроскопическое явленіе*, какъ говорятъ другіе, а одинъ изъ главныхъ руководителей журнала, который имѣлъ огромный кругъ читателей и пользовался сочувствіемъ публики дотога, что имѣлъ право воображать себя самымъ лучшимъ и главнымъ журналомъ въ нашей литературѣ, состоящей почти изъ однихъ журналовъ. Вообще Добролюбовъ не *юноша, подававшій надежды*, а литераторъ, имѣвшій вліяніе, какое достается не всякому талантливому человѣку, а еще менѣе всякому человѣку, только плодовитому на писанье.

Тѣ, которые признаютъ Добролюбова ничтожнымъ явленіемъ, очевидно вмѣсто нашего дѣйствительнаго литературнаго міра создаютъ своимъ воображеніемъ какой-то особый міръ, который одинъ у нихъ и считается дѣйствительнымъ. При взглядѣ на литературу они невольно проводятъ рѣзкую черту между явленіями, по ихъ мнѣнію совершенно пустыми и нестоящими вниманія, и тѣми, которыя дѣйствительно заслуживаютъ имени литературы. Какъ бы произвольно они ни проводили эту широкую черту, мы готовы бы были согласиться съ ними, еслибы не видѣли вполнѣ ясно, что явленія, стоящія у нихъ *выше* черты, большею частью такъ блѣдны, вялы и безжизненны, что сами по себѣ не заслуживаютъ особенныхъ хлопотъ. Нужно быть послѣдовательнымъ, и слѣдовательно смотря свысока на Добролюбова, нужно смотрѣть свысока уже и на всю литературу.

Мы увидимъ яснѣе значеніе Добролюбова, если намъ удастся опредѣлить ту *живую струю*, которая пробивалась въ его произведеніяхъ, давала имъ смыслъ и воодушевленіе и привлекала къ нимъ читателей. Эта главная черта, исходная точка всей дѣятельности, состоитъ по нашему мнѣнію въ *отвлеченной мысли*, въ стремленіи теоретически разсматривать предметы. Извѣстно, что Добролюбовъ и другіе люди того же направленія уже давно были поэтому у насъ названы *теоретиками*. «Современникъ» служитъ главнымъ проявленіемъ ихъ дѣятельности, но они очень многочисленны и внѣ «Современника» и составляютъ одно изъ громаднѣхъ явленій современной умственной жизни. Умеръ Добролюбовъ, но это направленіе мыслей съ нимъ не умерло, и оно не умретъ, хотя бы

нынѣшніе жрецы его потеряли свой авторитетъ или подверглись какому-нибудь другому бѣдамъ. Другой вопросъ — сохранить ли оно тоже значеніе и будетъ ли въ такой степени возбуждать сочувствіе публики?

Чтоже такое *теорія*? Что такое *отвлеченная мысль*? Теорія противопоставляется *жизни*, отвлеченная мысль — мысли конкретной. Характеризовать эти два рода мысли совершенно точно, наглядно отличить одну мысль отъ другой — очень трудно, по той простой причинѣ, что почти никому не приходитъ въ голову находить какое-нибудь различіе между мыслями. Обыкновенно мы не замѣчаемъ того, какъ мы мыслимъ; каждый думаетъ, что онъ вполне обладаетъ искусствомъ мыслить и что всѣ мысли по сущности одинаковы, что онѣ разнятся только по предмету, но не сами по себѣ.

Между тѣмъ мысли могутъ быть различны такъ-сказать по направленію своего движенія: одна можетъ идти *къ* предмету, другая *отъ* предмета. Мысль отвлеченная есть именно та, которая идетъ отъ предмета, которая удаляется отъ него, разрываетъ съ нимъ связь и довѣряется себѣ самой. Это будетъ мысль лишонная живой опоры и потому блѣдная и сухая, движущаяся одною голою логическою связью. Можетъ-быть впоследствии, при разборѣ частныхъ случаевъ намъ удастся вполне ясно представить это понятіе. Теперь ограничимся общими замѣчаніями, по сущности дѣла менѣе ясными.

Отвлеченная мысль узка, односторонняя, но зато ясна. Ея сила заключается въ томъ самомъ, что она не нуждается ни въ какой опорѣ и не ищетъ ея ни въ чемъ постороннемъ. Ея слабость въ томъ, что она не имѣетъ регулятора, не имѣетъ повѣрки и поддержки и потому непрерывно заблуждается.

Отвлеченіе состоитъ въ томъ, что оно образуетъ *общую формулу* и вѣритъ въ нее какъ въ дѣйствительность. Поэтому оно приписываетъ полное равенство всѣмъ предметамъ, подходящимъ подъ эту формулу. Поэтому отвлеченная мысль есть всегда мысль равняющая, сглаживающая различія и обезцвѣчивающая явленія.

Возьмите на примѣръ понятіе *человѣкъ*. Въ сущности этой общей формулѣ нельзя приписать никакой дѣйствительности. Новорожденный

и взрослый, идиот и гений, древний римлянин и современный парижанин, — все это будет человек. Следовательно в действительных людях общего отыскать нельзя. Общее существует как *возможность*, а не как действительность. Отвлеченное мышление этого не знает и рассуждает о людях так, как будто бы все они подходило под общую формулу — *человѣка*. Понятно какія слѣдствія могутъ отсюда произойти. Читатели можетъ-быть помнятъ, что еще недавно г. Чернышевскій на этомъ основаніи усомнился въ упадкѣ нравственныхъ силъ въ эпоху паденія Рима. «Перестаньте говорить вздоръ, — говорилъ онъ: — вѣдь и тогда люди раждались съ желудкомъ, съ головой, съ мозгами; слѣдовательно какой же въ нихъ могъ быть упадокъ? Чѣмъ они были хуже другихъ людей?»

Отвлеченная мысль — это та мысль, которая всюду гонится за результатами, подо всемъ любитъ подводить итоги; какъ бы нибылъ широкъ и глубокъ предметъ, она, вмѣсто того чтобы углубляться въ него и слѣдовательно самой становится шире и шире, стремится напротивъ сузиться, старается стянуть самый предметъ въ тѣсный кружокъ какой-нибудь голой формулы. Передъ художественнымъ произведеніемъ теоретикъ, вмѣсто того чтобы вникать въ творческое созданіе, задаетъ вопросъ: что изъ этого слѣдуетъ? что это доказываетъ? Ему нужна *одна* теорема и онъ непонимаетъ, что творчество, какъ и жизнь, неисчерпаемы и могутъ дать нескончаемый рядъ теоремъ. Увидѣвъ замѣчательную книгу, теоретикъ простодушно говоритъ: скажите мнѣ ея содержаніе въ нѣсколькихъ словахъ! И онъ никакъ не можетъ повѣрить, что могутъ быть книги, которыхъ содержаніе требуетъ почти столько же словъ, сколько ихъ есть въ книгѣ. Теоретикъ для ясности перелагаетъ стихотвореніе въ прозу, никакъ не воображая, что содержаніе поэтическаго стихотворенія всего яснѣе и точнѣе выражается именно стихомъ. Однимъ словомъ мысль теоретика не тяготеетъ къ предмету, а напротивъ отвращается отъ него и уходитъ въ голую отвлеченность.

Принимать неполную мысль за полную действительность — вотъ корень всѣхъ заблужденій человека; поэтому до тѣхъ поръ, пока человекъ признаетъ свою мысль за неполную, то-есть пока мысль еще идетъ *къ* предмету, а не *отъ* предмета, заблужденіе не можетъ имѣть

большой крѣпости. Но какъ скоро мысль признаетъ себя полною, законченною, она представляетъ непоколебимое заблужденіе, которое разумѣется тѣмъ больше, чѣмъ меньше полноты и законченности имѣетъ она на самомъ дѣлѣ. Мысль отвлеченная стремится къ завершенію, къ законченности и слѣдовательно представляетъ заблужденіе на всѣхъ своихъ ступеняхъ кромѣ послѣдней, то-есть когда она дѣйствительно завершена и закончена.

Читатель извинить насъ за темноту этихъ немногихъ фразъ; сейчасъ мы будемъ яснѣе, потомучто подойдемъ ближе къ предмету.

Стремленіе мыслить отвлеченно есть ничто иное, какъ стремленіе мыслить *самостоятельно*, стремленіе къ мысли, которая бы опиралась сама на себя и не требовала бы никакой посторонней подставки. Отвлеченная мысль во всякомъ случаѣ есть мысль *независимая*, довольствующаяся сама собою. Такимъ образомъ время Добролюбова есть время независимой мысли, мысли отвергающей всякіе авторитеты и признающей полную автономію. Глубоки ли причины этой самостоятельности, далеко ли она шла и какіе плоды принесла, — это другой вопросъ; но что главная привлекательность и главное побужденіе статей Добролюбова состояло въ чувствѣ этой независимости и самостоятельности, — это намъ кажется несомнѣннымъ.

Господство отвлеченной мысли у насъ явилось не вдругъ. Безъ сомнѣнія оно развилось исторически и явилось послѣдовательно. Бѣлинскій можетъ быть названъ нашимъ главнымъ освободителемъ отъ предрасудковъ и авторитетовъ. Онъ первый твердымъ, горячимъ голосомъ проповѣдывалъ свободу мысли и успѣлъ возбудить движеніе въ дремлющихъ и покорныхъ умахъ. Прилежно работая надъ нашею литературою, онъ научилъ насъ отдавать самимъ себѣ отчетъ въ ея явленіяхъ и ничему не вѣрять на слово. Но подъ конецъ своей дѣятельности, утомленный и озлобленный, онъ уже началъ впадать въ рѣзкости отвлеченія. Непрочно ничто, что растеть на русской землѣ! Нашъ великій критикъ, столь цѣпко державшійся за проявленія жизни въ нашей литературѣ, кончилъ тѣмъ, что оторвался отъ жизни; подъ конецъ

своей отравленной жизни онъ уже былъ недоволенъ своимъ призваніемъ критика!

Всѣмъ памятно, что было потомъ, какой мракъ и какая тишина воцарились въ литературѣ. Неслышно было даже самага имени Бѣлинскаго. Тѣмъ сильнѣе была реакція, когда настало ея время. Признанію какихъ бы то нибыло авторитетовъ въ литературѣ уже не было никакого мѣста. Да и вообще никакой ясной путеводящей нити, никакой твердой дороги впередъ не было видно. Тѣ, которые явились въ это время, могли начинать съ чего хотѣли, были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Одинъ изъ такихъ людей былъ Добролюбовъ.

Въ «Современникѣ» было положительно высказано, что Добролюбовъ былъ лучше приготовленъ къ своему поприщу, чѣмъ Бѣлинскій, что онъ былъ образованнѣе Бѣлинскаго. Такимъ образомъ послѣ многихъ лѣтъ въ томъ журналѣ, которому основаніе и первое сильное движеніе далъ самъ Бѣлинскій, было поставлено знаменитому критику въ упрекъ то самое, что такъ долго и съ такимъ озлобленіемъ повторяли его враги. Бѣлинскій — недоучившійся студентъ. Если взять этотъ отзывъ въ совершенно-точномъ смыслѣ, то онъ сводится на то, что Бѣлинскій не зналъ иностранныхъ языковъ, а Добролюбовъ зналъ и пофранцузски, и понѣмецки. Какое великое преимущество! Но если мы рассмотримъ дѣло пошире, если взглянемъ на сферу, изъ которой вышли тотъ и другой, на почву, на которой развились ихъ умы, то совершенно ясно будетъ, что преимущество вовсе не на сторонѣ Добролюбова. *Обучался* онъ больше чѣмъ Бѣлинскій, но *воспитывался* меньше, потомучто вокругъ него не было источниковъ воспитательнаго вліянія.

Мы знаемъ откуда вышелъ Бѣлинскій; мы знаемъ имена его друзей, которые потомъ стояли и до сихъ поръ дѣйствительно *стоятъ во главѣ* нашей литературы и нашего умственнаго движенія. Кружокъ Станкевича и другіе кружки, съ которыми онъ соприкасался, были лучшими всходами, какіе явились на почвѣ воздѣлываемой московскимъ университетомъ. Эти люди составляли ту чистую, здоровую и плодотворную атмосферу, въ которой духовная жизнь Бѣлинскаго получила свое первое развитіе. Отсюда онъ вынесъ несравненно

больше, чѣмъ можно вынести изъ любого, самага обширнаго и ученаго курса.

У Добролюбова никакой подобной почвы не было. Онъ учился въ нижегородской семинаріи, которая, какъ видно изъ «матеріаловъ для его біографіи», похожа на всѣ другія семинаріи, и потомъ въ покойномъ педагогическомъ институтѣ, который сильно отличался отъ другихъ свѣтскихъ высшихъ заведеній, потомучто былъ хуже всѣхъ другихъ. Насколько Бѣлинскій крѣпко былъ связанъ со всѣмъ лучшимъ, что расло на русской землѣ въ его эпоху, настолько Добролюбовъ былъ оторванъ отъ всякихъ живыхъ вліяній.

Мы придаемъ важность тому, что Добролюбовъ былъ семинаристъ. По этому поводу необходимо войти въ нѣкоторыя объясненія. Названіе семинариста въ настоящее время уже не можетъ быть дурнымъ признакомъ для литературнаго дѣятеля. Скорѣе же напротивъ, оно составляетъ хорошій знакъ. Семинаристы проявили въ литературѣ такую энергію дѣятельности, приобрѣли такой вѣсъ и значеніе, что все это даетъ благопріятное понятіе о богатствѣ духовныхъ силъ, скрывающемся въ семинаріяхъ.

Тѣмъ неменѣе нельзя закрывать глаза на особенности, съ которыми обнаруживаются эти силы. Ихъ глухое и подавленное развитіе лишаетъ ихъ возможности принять вполнѣ правильныя формы. Если есть существо, оторванное отъ всякой почвы, какую только можно назвать почвою, то это существо именно семинаристъ. Изъ родительскихъ домовъ, въ которыхъ обыкновенно все изломано и обезображено тяжелою рукою жизни, восьмилѣтніе мальчики собираются въ губернскомъ городѣ. Здѣсь ихъ встрѣчаетъ съ одной стороны — бѣдная, едва переносимая жизнь, съ другой стороны семинарія, святилище наукъ и всякой мудрости. Семинарія поглощаетъ собою всю жизнь семинаристовъ, потомучто только тутъ есть что-то свѣтлое, — товарищество, наука, движеніе. Для нихъ несуществуетъ никакихъ другихъ интересовъ, имъ нечего любить, кромѣ того мерцающаго свѣта, который является имъ въ училищѣ. А этотъ свѣтъ есть нѣчто далекое и чуждое; онъ переноситъ ихъ въ какія-то невѣдомыя страны, къ невѣдомой жизни, которая называется всемірною

исторією; онъ озаряетъ передъ ними входъ ко всей роскоши человѣческой мудрости. И вотъ начинается дѣятельность на томъ поприщѣ, которое одно доступно, одно имѣетъ въ себѣ привлекательность. Тутъ одна награда, одна цѣль въ жизни — быть умнѣе другихъ; одна мѣрка для измѣренія человѣческаго достоинства — умъ; одна главная страсть — самолюбіе.

Интереса, болѣе исключительно господствующаго, какъ интересъ науки, въ семинаріи и представить себѣ невозможно. Извѣстно однако, чѣмъ оканчивается это усиленное возбужденіе: большею частію оно гаснетъ подчиняясь формамъ лѣнливой, неразвитой, невѣжественной жизни. Умнѣйшіе и способнѣйшіе люди обыкновенно ровно ничего не дѣлаютъ. Гораздо счастливѣе бываютъ тѣ, въ комъ является реакція противъ всѣхъ началъ, власть которыхъ они признавали прежде безъ собственнаго изслѣдованія. Тогда все зданіе, уродливо построенное на этихъ началахъ, рушится до самыхъ основаній и истребляется тѣмъ безпощаднѣе, чѣмъ тяжелѣе оно прежде давило молодыя плечи.

Все разметається прахомъ. Но чтоже остается? Остаются крѣпкія силы и такая пустота, такая оторванность отъ жизненныхъ корней, какая рѣдко встрѣчается въ другихъ случаяхъ, при другомъ порядкѣ дѣлъ.

Мы знаемъ, что обстоятельства воспитанія Добролюбова были несовсѣмъ такія, въ какихъ находится большинство семинаристовъ. Но тѣмъ неменѣе онъ былъ окруженъ этою атмосферою и дышалъ ею до пріѣзда въ Петербургъ. Какова была новая среда, въ которую онъ попалъ въ Петербургъ, мы почти незнаемъ. Можно навѣрное сказать только, что педагогическій институтъ самъ по себѣ скорѣе могъ способствовать отрицательному взгляду на жизнь, чѣмъ положительному. Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что Добролюбовъ кончилъ *полный курсъ наукъ* въ педагогическомъ институтѣ, само по себѣ еще ничего не доказываетъ и не даетъ никакого права ставить кого бы то нибыло ниже Добролюбова.

Говоря о томъ, что Добролюбовъ и другіе дѣятели современной литературы вышли изъ семинаріи и что на ихъ дѣятельности отражается ихъ воспитаніе, мы вовсе не хотѣли сказать, что этотъ элементъ какъ-нибудь насильственно вторгся въ литературу, что онъ составляетъ

чуждую для нея примѣсь. Нисколько; мы вполне увѣрены, что онъ получилъ особенную силу вслѣдствіе того, что требовался, что удовлетворялъ потребностямъ другихъ слоевъ общества. Пришла нужда въ такомъ элементѣ, и вотъ онъ всплылъ на поверхность, развернулся тамъ, гдѣ было для него мѣсто. Въ нашемъ умственномъ развитіи явилось требованіе отрицанія: понятно, что этому требованію никто не могъ удовлетворить лучше семинаристовъ.

Для того чтобы видѣть, какъ рѣзко отразились на дѣятельности Бѣлинскаго и Добролюбова обстоятельства, среди которыхъ они развились, стоить припомнить хотя немногія черты, которыми различается дѣятельность того и другого. Бѣлинскій, этотъ недоучившійся студентъ, былъ постоянно устремленъ душою къ *святымъ чудесамъ запада*. Сознаваясь печатно, что онъ не знаетъ понѣмецки, онъ однакоже непрерывно твердилъ о Гёте, Шиллерѣ, Гегелѣ и пр. Онъ настаивалъ на необходимости образованія, жолчно упрекалъ нашихъ писателей въ невѣжество и въ концѣ концовъ всегда ссыался на философію, на науку. Его противники и соперники, Булгаринъ, Сенковскій постоянно смѣялись надъ нимъ за то, что онъ пишетъ непонятно, употребляетъ такія слова какъ *лабось*, *объективность*, что онъ заражонъ нѣмецкою философіею, которую при этомъ случаѣ выставляли какъ бредъ разстроеннаго мозга и совершенную нелѣпость.

Понятно откуда проистекало подобное настроеніе Бѣлинскаго. Надъ нимъ тяготѣла атмосфера западнаго образованія, онъ вышелъ изъ среды, напитанной лучшими вліяніями европейской умственной жизни. Этому духу онъ оставался всегда вѣренъ.

Совершенно не то было у Добролюбова. Онъ шолъ не въ ту сторону; его статьи имѣли другой характеръ и заслужили не тѣ упреки.

Добролюбовъ зналъ и пофранцузски, и понѣмецки, но ни въ чемъ небыло видно, чтобы кто-нибудь изъ *властителей думъ* чловѣчества властвовалъ и надъ его думами. Онъ писалъ яснѣе, легче, понятнѣе, чѣмъ всѣ его противники и соперники, и не употреблялъ никакихъ хитрыхъ словъ. Онъ рѣдко ссыался на высшіе авторитеты науки, философіи и т. п., да и въ этихъ ссылкахъ небыло ничего важнаго.

Главное же дѣло Добролюбова состояло въ такихъ разсужденіяхъ, при которыхъ всѣ авторитеты оказывались лишними и ненужными. Онъ соблазнялъ читателей тою легкостью и ясностью, съ которою разрѣшалъ вопросы, и они переставали вѣрить, что нужно чему-нибудь учиться или долго вдумываться, чтобы понимать важные предметы.

Поэтому Добролюбову дѣлали упрекъ не въ туманности или преданности философскимъ бреднямъ; ему не разъ замѣчали, что онъ *отучаетъ мыслить*.

Странно было бы обвинять въ этомъ случаѣ Добролюбова. Соблазняемые имъ были вѣдь не дѣти и слѣдовательно должны отвѣчать сами за себя. Не велика должна быть сила мышленія, если она такъ легко отучается дѣйствовать! Какъ бы то ни было, фактъ неподвержень сомнѣнію. Какъ Бѣлинскій постоянно поднималъ наше образованіе и вызывалъ наши мыслящія силы, такъ Добролюбовъ постоянно, хотя невольно, давалъ чувствовать ненужность образованія и давая мысли большую крѣпость, не давалъ толчка ея движенію.

Такъ это впрочемъ и должно было быть. Освобожденіе мысли необходимо влечетъ за собою хотя частный упадокъ образованія. Образованіе вѣдь нужно и важно тому, кто ищетъ въ немъ себѣ опоры, кто на себя не полагается, а старается воспользоваться тѣмъ, что сдѣлано другими. Но кто признаетъ себя самостоятельнымъ, кто не нуждается въ опорѣ для своей мысли, потому что считаетъ достаточнымъ опираться на самага себя, тотъ не можетъ находить той же важности въ образованіи. Образованіе есть въ извѣстномъ смыслѣ авторитетъ; ищутъ авторитетовъ и подчиняются имъ только люди еще слабые, ненадѣющіеся на свои силы; тотъ же, кто почувствовалъ себя самостоятельнымъ, свергаетъ съ себя этотъ авторитетъ какъ тяжелую цѣпь. Если же кто-нибудь въ одно прекрасное утро оказался совершенно довольнымъ своимъ умѣньемъ думать и судить о вещахъ, то какъ бы дурно онъ въ самомъ дѣлѣ ни умѣлъ мыслить, разумѣется онъ уже не сдѣлаетъ ни одного шагу впередъ въ этомъ умѣнии.

Тѣмъ неменѣе, какъ скоро мысль освободилась, какъ скоро она стала довѣряться самой себѣ, она должна необходимо стать во первыхъ твердою, неподвижно-крѣпкою; во вторыхъ должна отрицать все что подъ нее не подходитъ; въ третьихъ должна явиться своеобразною, то-есть представлять прямо и открыто свои частныя особенности.

Всѣ эти свойства мы находимъ у нашихъ теоретиковъ. Твердость ихъ убѣжденій необыкновенна и сопровождается вполне соотвѣтствующею слѣпотою. Отрицаніе ихъ смѣло и не пугается никакихъ границъ. Наконецъ трудно сомнѣваться, что есть своеобразность, то-есть черты народнаго духа въ ихъ дѣятельности.

Мысль теоретиковъ была сама по себѣ прекрасная мысль; они говорили объ общемъ благѣ и твердили о перемѣнахъ къ лучшему. Въ одно время съ ними и у всѣхъ другихъ на языкѣ было общее благо; перемѣны къ лучшему не только служили предметомъ желаній и ожиданій, но и дѣйствительно совершались. Но между тѣмъ какъ одни обращались къ частнымъ интересамъ, другіе же мирились и вступали въ сдѣлки съ дѣйствительностью, теоретиковъ безостановочно руководила отвлеченная мысль о всеобщемъ благоденствіи; эта мысль дала ихъ дѣятельности незыблемую опору и, несмотря ни на что, спасла ихъ и до сихъ удержала на поверхности потока. Кто хочетъ изучить силу отвлеченной мысли, тотъ можетъ полюбоваться ею на этомъ примѣрѣ. Онъ увидитъ какъ легко можетъ быть отбрасываемо все самое тяжелое, что не подходитъ подъ мысль вполне отвлеченную и слѣдовательно необыкновенно узко понимаемую.

Добролюбовъ на примѣръ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ отрицателей. Онъ такъ легко отрѣшается отъ всякой живой связи съ предметомъ, такъ свободно становится къ предмету въ скептическое отношеніе, какъ это рѣдко случается. Нужды нѣтъ, что *отвлеченно* онъ признаетъ множество истинъ, которыхъ самъ не провѣрялъ, не связывалъ и не подвергалъ своему сомнѣнію; тѣмъ неменѣе, въ отношеніи къ *дѣйствительнымъ* явленіямъ онъ никогда не затруднится взглянуть на нихъ какъ человекъ совершенно чужой этимъ явленіямъ и ничѣмъ нестѣсненный въ своемъ строгомъ анализѣ. Онъ не мирится ни съ чѣмъ, онъ не признаетъ ничего *частнаго*, потому что сейчасъ же

видить, что оно не подходит подъ формулу, составленную имъ для *общаго*.

Успѣхъ отрицанія конечно зависѣлъ отъ потребности отрицанія. Онъ очевидно удовлетворялъ той потребности самоотрезвленія, тому нежеланію *отдаваться чему-нибудь до конца*, которое такъ глубоко входитъ въ нашъ народный характеръ. Мы, какъ это давно уже проповѣдано просвѣщенными путешественниками просвѣщенной Европы, мы — народъ скептической и насмѣшливой. Мы ничего преснаго не любимъ, надъ всѣмъ трунимъ и надъ собою самими больше всего. Всякій энтузіазмъ, хотя нерѣдко вспыхиваетъ очень быстро, еще быстрѣе и легче принимаетъ въ нашихъ глазахъ видъ смѣшного и приторнаго. Мы легче переносимъ всякаго рода цинизмъ и тривіальность, чѣмъ высокій слогъ и восторженные возгласы.

Все это можетъ-быть вовсе недурной признакъ; все это можетъ быть только даетъ задатки такого простого и глубокаго энтузіазма, который недоступенъ никакой ироніи и котораго невѣдаютъ другіе народы земного шара. Какъ бы то нибыло, только потребность самоосужденія у насъ очень сильна и Добролюбовъ былъ однимъ изъ выразителей этой потребности.

Отрицаніе, совершаемое имъ и другими теоретиками, было широко и смѣло; мы можемъ назвать его чисто-русскимъ, хотя бы уже потому, что, какъ неразъ замѣчали наши Гамлеты всякаго рода и вида (шекспировскій Гамлетъ тоже учился въ нѣмецкомъ университетѣ), подобнаго размаха не было видано за границую. Никакія обольщенія идеализма, никакія красоты поэзіи, никакія глубины науки не могли соблазнить Добролюбова, не могли заслонить передъ нимъ цѣль, къ которой была устремлена его мысль. Философія, поэзія, наука казались ему чѣмъ-то все-таки аристократическимъ, барскимъ, слишкомъ роскошнымъ и сладкимъ для того, чтобы ставить ихъ главнымъ дѣломъ. Такой суровый, трезвый взглядъ, по своей силѣ и сосредоточенности, и даже по своему характеру, напоминаетъ взглядъ отшельниковъ и аскетовъ. Въ самомъ дѣлѣ такой взглядъ развѣ неподобенъ тому настроенію духа, при которомъ все мірское величіе есть прахъ и суета, и для cadaго челоуѣка только *едино есть на потребу?*..

Въ чемъ полагались эти требованія, что оставалось послѣ горькаго отреченія отъ міра и его благъ, — это не такъ важно, какъ можно бы думать съ перваго разу. Сила Добролюбова, какъ и другихъ теоретиковъ, состоитъ не столько въ томъ, что они признавали, сколько въ самомъ отрицаніи. Вотъ почему въ этомъ общемъ очеркѣ читатели не встрѣтили какого-нибудь опредѣленія философскихъ, эстетическихъ или политическихъ мнѣній Добролюбова. Мы рассмотримъ и ихъ впослѣдствіи, теперь же не говорили объ нихъ потому, что главная сущность дѣла никакъ не въ нихъ.

Въ самомъ дѣлѣ взглядъ теоретиковъ не имѣлъ и не могъ имѣть *положительнаго* вліянія на литературу. Еще недавно «Современникъ» называлъ литературу *праздною болтовнею*. Такъ можетъ говорить «Современникъ», но само собою понятно, что сама литература не можетъ питать такой саморазрушительной и самоснѣдающей мысли. Литература не можетъ признавать себя бездѣлемъ, не можетъ опираться на мысли о своемъ ничтожествѣ. Какъ всякая сила, литература есть прежде всего сила положительная, и потому отрицаніе не можетъ служить ей главнымъ руководящимъ началомъ. Такъ это и было. Статьи Добролюбова имѣли очень большое значеніе для читателей, но весьма малое для писателей. Литература развивалась помимо этой критики и не находила въ ней отзыва и поддержки своимъ симпатіямъ, своимъ думамъ и стремленіямъ. Помимо этой критики являлись таланты, безъ ея вѣдома и участія развивались и приобрѣтали значеніе. Какими-то странными загадками являлись иногда ихъ произведенія на страницахъ «Современника»; они намекали на какой-то другой міръ, на какіе-то вопросы, давно уже низвергнутые и сглаженные въ критическомъ отдѣлѣ журнала. Въ нихъ были слышны зачатки положительныхъ стремленій, откликалась какая-то жизнь невѣдомая и непонятная теоретикамъ.

Творческая дѣятельность въ то время, когда писалъ Добролюбовъ, была не только не меньше, но даже гораздо значительнѣе прежняго. Но авторы этой *праздной болтовни* охотнѣе искали себѣ отзыва и поясненія не въ статьяхъ Добролюбова, а въ другихъ голосахъ, хотя менѣе

слышныхъ, но болѣе симпатическихъ, хотя менѣе ясныхъ и отчетливыхъ, но зато владѣвшихъ тайною словъ, которыхъ

значение

Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Такимъ образомъ рядомъ съ громкимъ и всѣмъ замѣтнымъ потокомъ критики Добролюбова существовало другое русло, положимъ заглушенное и занесенное тиной, но все-таки не безъ живыхъ ключей, бившихъ изъ таинственной глубины. Тамъ совершался глухой и неясный, но все-таки правильный прогрессъ идей, и результаты его рано или поздно должны выясниться и войти въ полную силу.

Со времени Бѣлинскаго нашъ взглядъ на вещи измѣнился, и эти перемены болѣе или менѣе явственно высказаны нашею литературою и критикою. Мы иначе смотримъ на западъ и на реформу Петра; мы иначе смотримъ на народъ и на произведенія народнаго творчества. Значеніе Пушкина въ нашихъ глазахъ поднялось въ ущербъ Гоголю и Лермонтову. Идеи, которыя нѣкогда были такъ узки и исключительны, такъ-называемыя славянофильскія идеи — расширились, развернулись, и потерявъ свою рѣзкость, тѣмъ неменѣе замѣтно вошли въ общее сознание. Однимъ словомъ вмѣсто отвращенія отъ всякихъ идей и идеаловъ, съ которыми такъ усердно сражались теоретики, мы чувствуемъ жажду идеаловъ сильнѣе чѣмъ когда-нибудь; мы болѣе чѣмъ когда-нибудь приготовлены встрѣтить новыя проявленія народнаго духа...

Добролюбовъ умеръ рано. Онъ былъ человекъ очень даровитый и очевидно способный къ далекому развитію. Его послѣдняя статья указываетъ на какое-то колебаніе, на какой-то поворотъ въ убѣжденіяхъ. Мы разберемъ это впослѣдствіи. Еслибы онъ остался живъ, мы многое бы отъ него услышали.

И къ нему примѣняется тоже печальное замѣчаніе: непрочно ничто, что растеть на русской землѣ...

Мы непременно представим современем подробный и отчетливый разбор сочинений Добролюбова.
